

Дочъ Кузнецова

Москва, ми верниси
за срастием

Дочь Кузнецова Москва, мы вернулись за счастьем

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67798341
SelfPub; 2025*

Аннотация

Исторический роман продолжение книги "Особняк с видом на счастье", главные герои нового романа дочь частной сыщицы Матильды и сын её верной подруги Александры, преподавателя математики. События происходят с 1932 по 1951 год в Москве и на фронтах ВОВ. Автор использует некоторые биографические сведения из жизни своего отца для создания образа главного героя. Как и в предыдущем романе, автор даёт много исторических описаний быта, частной жизни москвичей и политической обстановки в стране и в мире в указанном периоде времени. Черновое название книги было "Возвращение".

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Москва, мы вернулись за счастьем

Глава

.Глава 1

– Василиса, Васенька... Ты меня слышишь? Смотри, что я тебе принесла.

В ответ никакой реакции. Девочка даже не повернула голову в сторону женщины, появившейся в дверях комнаты.

– Александра, она не соизволит обратить на тебя внимание, пока ты не назовёшь её Василиса Прекрасная, что бы ты ей ни сулила – ответила за дочь Матильда, продолжая зашивать на театральном фраке мужа чуть распоровшийся шов на рукаве.

– Матильда, вот совсем неправильно вы воспитываете ребёнка, это непедагогично потакать всем её прихотям.

Четырёхлетняя девчушка отложила в сторону куклу, повернула свою очаровательную головку ко взрослым, смирив убийственным взглядом огромных синих глаз Александру и произнесла:

– Тётя Сяся, это не плихать, Василиса Пекасная, а в твою сколу утиться не плидётся

– Василисушка, милая, конечно, ты прекрасная. Тётя Са-

ша очень любит тебя и очень ждёт, когда ты придёшь учиться в её школу – промолвила несколько оторопевшая Александра.

Матильда еле сдерживалась, чтобы не расхохотаться, наблюдая за этой сценой. Прошло уже пять лет, как две дружные семьи жили в квартире Боголюбовых на Большой Дмитровке. Поначалу Матильда была уверена, что по возвращению в Москву они с мужем Святославом найдут себе отдельное жильё. Но это было нереально. Москву стремительно наполняли трудовые массы, город уже напоминал переполненный пчелиный улей, а из деревень и небольших городов народ всё прибывал и прибывал. Москва менялась, строилась, на окраинах открывались новые заводы и расширялись старые. После коллективизации на селе началась индустриализация в городах, и из сёл в город устремились крестьяне, чтобы стать рабочими. Квартирный вопрос был самым острым для Москвы в начале 30х годов. Хлынула новая волна уплотнений и подселений. И Тимофей с Александрой сказали, чтобы Матильда со Святославом даже не помышляли о каком-нибудь переезде, иначе к ним на Большую Дмитровку обязательно кого-то поделят. На том и порешили. А вскоре родилась Василиса Прекрасная и осветила жизнь двух дружных семейств в уютном гнёздышке. Девочкой невозможно было не восторгаться, она собрала всё лучшее от своих родителей, и ещё Господь ей добавил от себя. Яркая брюнетка с огромными синими глазами, правильными чертами личи-

ка она немного напоминала красавицу тётю Лину, младшую сестру Матильды, а сообразительностью была вся в мать. Правда, уже к её трём годам стало понятно, что скромность не станет основной чертой характера девочки. Ну, это уж было от Светозаровых! От них же она получила яркость, синие глаза и великолепные чёрные кудри. У Александры и Тимофея, к их великому сожалению, детей по-прежнему не было, хотя они прожили в счастливом браке уже более десяти лет.

Тимофей был самым настоящим представителем советской власти, он возглавлял отдел ОГПУ по борьбе с беспризорностью со времён окончания Гражданской войны. Сколько обездоленных сирот за восемь лет он нашел, забрал с улицы по Москве и Московской област и устроил в детские дома! Счёт шёл на тысячи. А сейчас его ждали с Украины, куда он отбыл с комиссией для наведения порядка в детских домах голодающего региона. Александра даже пораньше пришла из школы, чтобы приготовить хороший, насколько это было возможно, обед к приезду мужа. Святослав был, как обычно, на репетиции хора в Большом. Уж что-что, а театральное искусство получило к началу 30х годов колоссальное развитие, шло рука об руку с образованием. Что ни говори, а советская власть прилагала титанические усилия к повышению культурного и образовательного уровня народа, более 50% которого до революции было абсолютно неграмотным, а из другой половины около 80% с двухклассным образованием церковно-приходской школы. В Москве от-

крывались новые театры, студии, театральные кружки. Появился первый звуковой кинотеатр. Ушли в прошлое футуризм и авангардизм постреволюционного театра. Матильда иногда вспоминала Листопадова с его новаторским искусством: интересно, жив он или нет? Во всём возвращалась классика и реализм. И, конечно же, после уничтожения НЭПа сходило на нет ресторанное пение. Святослав мечтал о сольной карьере, но в труппу Большого удалось попасть только в хор. Кроме этого, муж Матильды участвовал в концертах на предприятиях и в гастрольных турах по ближайшему Подмосквовью, пел арии из опер в деревенских клубах, которые росли как грибы. И в общем и целом считалось, что Святослав Светозаров доволен своей судьбой, любит жену и дочь и, будучи по природе совсем не борцом, рад ощущать себя под защитой чекиста, мужа верной подруги своей жены. Матильда же не работала нигде и никуда не собиралась наниматься. Она поняла, что беременна, ещё в Харбине. И сразу решила посвятить всю дальнейшую жизнь семье. Новая Москва поражала Матильду и пугала. Она нисколько не жалела, что вернулась из эмиграции, чувствовала родной город всеми фибрами своей души, но строителем социализма увидеть себя не получалось. Напрасно Александра пророчила подруге карьеру в правоохранительных органах, где очень нужны были грамотные кадры, и работы было непочатый край. Ведь советская милиция, можно сказать, буквально выкорчевывала криминальный мир, в котором на ста-

рый царский слой лёг новый, постреволюционный, а сверху слой от Гражданской войны, затем от НЭПа. И до построения светлого общества новых замечательных людей было ещё очень далеко. Например, недавно из газет все узнали, что в районе Трубной площади, возле бывшего ресторана Оливье и Сандуновских бань, куда любили ходить Святослав с Тимофеем, милиция, наконец-то, уничтожила целый город под землей, воровскую обитель с историей в несколько десятилетий. Сразу за площадью под незаметной крышей, как для люка, вёл в подземелье ход, а сам подземный город растянулся под несколькими кварталами Москвы, и годами царская полиция ничего не могла сделать с его обитателями. А работать по специальности в драмтеатре Матильда и не мечтала. Она считала, что профессионально безнадёжно отстала, и возраст уже не тот. Играть Раневскую в "Вишневом саде" ей никто не даст, а молодых героинь, даже не главных, тем более. Матильда отдыхала от своей бурной молодости в годы войны и эмиграции, спрятавшись от политики, от строительства социализма, от новых веяний в экономике, от нового общества за спинами самых дорогих для неё двух женщин: маленькой дочурки и лучшей подруги всех времён и народов, Александры. А две мужские спины были к ним замечательным дополнением.

В дверь позвонили. Обе женщины встрепенулись и выскочили в коридор. Обычно Тимофей сам открывал дверь ключом. Матильда, как всегла, проявила свою природную прыть

и открыла дверь. На пороге стоял Тимофей и держал на руках мальчика лет семи. Мальчик был очень худой, с осунувшимся лицом, ввалившимися огромными серыми глазами и жуткими, в пол лица, синяками под этими глазами. Было понятно, что, несмотря на возраст, мальчик не мог сам идти, тем более подниматься по лестнице на третий этаж, и поэтому надо было нести его на руках. Тимофей, не разуваясь, отнёс мальчика в зал и посадил на диван. На минуту воцарилось молчание, Тимофей отдышался и заговорил. Он говорил тоном, не предполагающим никаких возражений, почестски, что этот мальчик теперь будет жить здесь, он будет усыновлен им и его женой. Все молчали, ожидая продолжения рассказа. Продолжение последовало. Тимофей сказал, что мальчика он нашёл в детском доме в городке Голая Пристань Херсонской области. Это сын его давнего друга, некогда Василия, который так же, как и Тимофей, инспектировал детские дома с времен Гражданской войны по территории юга СССР. Тимофей давно потерял с ним связь, а сейчас выяснилось, что Василий умер ещё в 1925 году, а его жена с двумя маленькими детьми осталась учительствовать в детском доме в Голой Пристани, там, где её мужа застала безвременная кончина. Буквально за несколько дней до приезда московской комиссии женщина и её дочь умерли, а мальчика Тимофей забрал, чтобы вылечить и воспитать как своего сына. Александра склонилась к ребёнку, ласково и тихо спросила: " Как тебя зовут, сынок? " " Куда только делся твой

командный голос" – подумала Матильда, а мальчик ответил ещё тише: " Тосик..." " Тосик? Тебя, наверное, мама так называла, а можно я буду называть тебя Толиком? " Мальчик не ответил, чувствовалась, что слова даются ему с большим трудом. Матильда по-прежнему молчала и отметила про себя: " Влезла-таки со своей редактурой ни раньше, ни позже. Пусть бы и был Тосиком пока. " Тишину нарушил топот маленьких ножек, в зал вбежала Василиса. В ручонках она несла игрушечную машинку-модельку Руссо-Балт. С игрушками тогда было, мягко говоря, не очень. Эту замечательную машинку, скорее даже не игрушку, а сувенир, кто-то подарил Тимофею, а он отдал Василисе. Девочка подскочила к мальчику и залепетала: "Ты мачик, тебе масинка, я девичка, мне надо кукля. На, дези. " Не восхититься благородным поступком было невозможно, но очень пугала вероятность того, что даритель передумает, причем прямо сейчас. И Матильда сказала дочери без обиняков: "Василиса Прекрасная, ты хорошо подумала? Ты понимаешь, что забирать обратно подарки нельзя ни при каких обстоятельствах? " Девчушка смерила мать точно таким же взглядом как некоторое время назад тётю Сашу и произнесла, гордо подняв кудрявую головёнку: " Василиса Пекасная фегда думает холосё " Больше вопросов ни у кого не возникло. А Толик смотрел на игрушку с посветлевшим лицом, осторожно перебирая пальчиками колёсики, открывающиеся дверцы, сидения и руль внутри.

Тимофей вызвал по какому-то служебному телефону вра-

ча, мальчику назначили лечение, диету. Спальное место ребёнку устроили в зале на диване, где когда-то, в далеком восемнадцатом году, расположился его новый отец. Уход, лечение и питание очень важны, но психотерапия для ребёнка, потерявшего мать и сестрёнку, чуть не умершего от голода и в результате попавшего в чужую семью, где ему были представлены новые родители, ещё важнее. И неизвестно, как бы взрослые справились, если бы не Василиса. Она стала для Толика живой водой; сидела целыми днями рядом с его диваном, показывала свои игрушки, как могла, пересказывала сказки из книжек, которые ей читали, показывала, как рисует в альбоме каракули. Оказалось, что Толик умеет читать, и теперь он читал Васе её книжки, не ленись, по нескольку раз. Теперь у родителей отпала необходимость читать дочери вслух. Также выяснилось, что Толик хорошо рисует, и вместо каракуль у Василисы стало получаться сначала солнышко, потом цветочек и мордочка с глазами и ртом. Примерно недели через две Толик начал ходить, пропала опухоль с ног от голода, дети стали играть по всей квартире. На усыновление были оформлены все документы, и Александра теперь беспрестанно повторяла про школу для него и про детский сад для Василисы. На что Матильда категорически возражала, говоря, что, по крайней мере, ещё полгода никто никуда не пойдёт, и что она сама будет заниматься с Толей по программе для его возраста, а иностранными языками дополнительно. И чтобы Александра, если желает, может по вече-

рам проверять у них математику, но пусть даже не надеется найти в тетрадах Толика ни только Бином Ньютона, но даже квадратный трёхчлен. Александра понимала, что по некоторым вопросам переспорить Матильду невозможно, и успокоилась. Подходил к концу 1932-й год. Встречали 1933-й дома, в кругу большой и дружной семьи. Планы на будущее, на детей были самые радужные. Но от внешнего мира, от политики прятаться долго, а тем более всегда, невозможно.

Глава 2

От внешнего мира домашних прикрывал Тимофей, он очень мало говорил о своей работе, ещё меньше о власти придерживающих. Все знали, что структура, в которой служил Тимофей, со дня её основания в декабре 1917 года под названием ВЧК за десять лет неоднократно менялась. Теперь это назвалось ОГПУ, потому что ГПУ союзных республик перестали существовать как самостоятельные структуры, общей государственной безопасностью стала заниматься Москва. А бывшие ГПУ возникли из ВЧК ещё при жизни Дзержинского в 1922 году. Ведомству было передано управление органами милиции и госбезопасности. Полномочия ОГПУ стремительно увеличивались, структура росла и вверх, и вширь и становилась одной из главных государственных структур страны советов. Конечно, Тимофей знал гораздо больше, чем простой обыватель, о всех реновациях и пертурбациях в этой мощной и архисерьёзной структуре, но знал он далеко не всё. Скорей всего, всё не знал никто, даже первые ли-

ца страны, до них не всё доходило. Как говорится, если бы мог Железный Феликс взглянуть с того света на своё детище, был бы поражён. А у Тимофея энтузиазм убывал год от года. К счастью, работа в учреждении была очень структурирована, и сотрудники разных отделов между собой не соприкасались и не были информированы о делах в чужом подразделении. Будучи старой большевистской закалки, Тимофеем хранил верность курсу ВЧК, направленному на борьбу с врагами во время Гражданской войны и на улучшение бедственного положения мирного населения в военный период, особенно детей. Война закончилась десять лет назад, но мир не наступил. И прежде всего он не наступил для детей сирот, и Тимофей собирал и собирал их с пепелищ. Успехи этой деятельности были налицо, беспризорность в стране сократилась. Казалось бы, ещё совсем немного поднажать, и каждый ребёнок огромной страны будет накормлен, одет, обут, получит крышу над головой и дорогу к знаниям для светлой взрослой жизни. Но пришла новая беда – голод. Он пришёл, когда приходиться уже не должен был. Войны давно нет. Страна огромная, если засуха, неурожай в одном регионе, люди получают продукты из других. Ведь коллективизация прошла с 1928 года, сельхозработы механизированы: вспахивают поля быстро и слаженно машины, собирают урожай тоже они, зерно хранится в огромных коллективных амбарах, скот живёт на больших животноводческих фермах, овощи зреют в теплицах. Но так гладко было только в теории, а на практике

и с машинами было плоховато, и хранить урожай негде пока, а скот вообще оказался на улице и без кормов. А реквизиروهвали-то к началу 30-х годов уже всё и у всех. Вагон впереди паровоза оказался. Да ещё и машиниста нет: люди не понимали, кто теперь на селе за что отвечает, многие вообще не хотели ни за что отвечать, кто-то уехал в город от коллективизации к индустриализации. Сыграло в этом во всём свою негативную роль ОГПУ? Конечно. Сначала оно надзидало, а значит руководило изъятием крестьянского имущества, а потом наказывало тех, кто не сумел изъятым правильно распорядиться. Ну, кроме того до Тимофея доходили слухи, что с самого верха распорядились продать за границу продукты для нужд индустриализации. А кроме продуктов – и культурные ценности, которых в Российской империи было великое множество! И далеко не все они пропали во время революции и Гражданской войны. И все эти вопросы не давали покоя Тимофею. Как в стихотворении Маяковского про негра: "Много вопросов Вилли сверлили, но один был закорюка из закорюк..." И этот главный вопрос был – как уйти со службы и куда? Тимофей понимал, что сами люди из таких мест не уходят. Вопрос по беспризорникам будет решен в любом случае через год-два, и ему будет предложен другой фронт работ. Усыновленного мальчика Толю Тимофей воспринял как награду за свою благородную деятельность, но и как жирную точку после её своевременного окончания. Тимофей решил, что он выполнил свой отцовский долг пе-

ред семьёй и гражданский перед страной и советским обществом, спас для него столько детей. Все эти мысли мужчина носил в себе, он очень старался беречь жену от лишних хлопот, беспокойства, тяжелых раздумий. Он понимал, что Александра выросла в тепличных условиях, у неё были замечательные высокообразованные родители, и революция могла только испортить жизнь такой женщине и ничем не улучшить. И как мог, создавал для Александры какое-никакое подобие розового колпака.

Но он ошибался. Александра приняла новую жизнь в стране практически сразу и безоговорочно на ура. Во-первых, она не просто любила своего мужа, она им восхищалась. Она поняла, что, мало зная с детства о простом русском народе, многое потеряла, а теперь в лице Тимофея стала просто боготворить русский народ, считала, что при царе его участь была несправедливой и горькой, и что когда этот народ стал советским, все невзгоды у него позади. Конечно, в какой-то степени это так и было, и даже в очень большой, но, как говорится, дьявол кроется в деталях. А эти детали и муж от неё старался прятать, и сама она их не замечала, потому что увлечена была своей преподавательской деятельностью и успехами в сфере образования страны до умопомрачения. А успехи действительно были колоссальные! Обучали ведь не только детей, но и взрослых любого возраста бесплатно, несмотря на тяготы войны и разрухи. И особое внимание было уделено техническим специальностям, её люби-

мой математике. Сколько способнейших к математике учеников из народа встретила Александра за время работы в советской школе! В молодости она такое даже представить себе не могла. Она с удовольствием занималась дополнительно с детьми, вела курсы ликбеза для взрослых. Когда ей предложили должность заведующей учебной частью, Александра даже немного расстроилась: не хотела, чтобы административная работа мешала преподаванию, и часы свои никому не отдала. Конечно, она не узнала, что её биографию и весь трудовой путь проверяли “кому следует” вдоль и поперёк, потому что она была женой одного из них же, из этих проверяльщиков. Не узнала, что её любимому мужу пришлось объяснять своему руководству, почему его жена не может иметь никакого отношения к контрреволюции и к враждебному пролетариям классу, потому что она из семьи преподавателя, сама преподаватель, причём математики, а сейчас “в то время как партия и советское правительство поставили перед нами грандиозную задачу создать общество новых образованных, культурных людей, что не удавалось ещё никому в мире, моя жена очень нужна нашей советской стране... и т.д. и т.п.” В общем, Александра была из этого “квартета”, пожалуй, самой счастливой. Она много лет беспокоилась о подруге, пока та была в эмиграции, но теперь Матильда рядом, замужем, тоже счастлива, растит дочь и Александре больше не о ком и не о чем беспокоиться. Да, она хотела родить ребёнка, но осознавала, что не столько для себя, сколь-

ко для мужа, сама она обожала своих учеников. И теперь, когда появился Толик, Александра поняла, что Тимофей по поводу детей абсолютно успокоился.

Как могла так остепениться Матильда? Наверное, она и сама не ответила бы на этот вопрос. Возраст? Ну, да, сорок не двадцать. Но, частенько, сорокалетние женщины, наоборот, с энтузиазмом достойным лучшего применения, бросаются в бой кто за карьерой, кто за деньгами, кто за мужчиной, да и сорока Матильде ещё не было... Она считала, что очень устала за ту прошлую жизнь, и нуждается в отдыхе. Вряд ли это была физическая усталость, скорее психологическая, а главная причина – расставание с Москвой. Москву Матильда любила как родного живого человека. Да, сейчас Москва очень изменилась, но не до неузнаваемости. Её дух, немножечко ордынский, немножечко допетровско-боярский и купеческий, остался. И Матильда чувствовала, что он вечен, что пройдёт время, и он проявится, как узоры на стекле в морозный день. А пока это “стекло” старательно оттирает от тысячелетней старины новая власть, рисуя на нём свои картины маслом. Но ничего не получится, трут-то сами русские. Или не русские? Во власти очень много представителей “богоизбранного” народа, как он сам себя называет. А самый главный вообще грузин... Но ведь национальность – это не кровь, а культура, язык, традиции, сказки в детстве, дома и церкви на улице, деревья и цветы, мороз зимой и жара летом. Она же тоже не русская по крови, хотя восточные

славяне все изначально одного происхождения. Но чувство дома у Матильды только здесь. А без этого чувства жизнь не мила, по крайней мере, для неё. Годы скитаний не прошли даром, она нашла того, о ком фанатично мечтала с юности. Теперь он её муж, у них растёт дочь. Цель достигнута, поиск смысла жизни потерян. Но куда делся кураж, желание что-то разведать, найти ключ к какому-то секрету? Кто-то это всё забрал... Матильда посмотрела на дочь, они встретились глазами. Во взгляде малышки была такая глубина, что Матильда невольно поёжилась. Да, это ты, продолжала мать безмолвный разговор глазами с маленькой дочкой и чувствовала, что та ей отвечает утвердительно. Да, понимаешь ли ты, как тяжело видеть то, что не видят другие, успеть понять то, что другие пока не поняли, и мгновенно принять меры, дабы не случилось беды? Нет, этого малышка понимать не могла, как и не могла отказаться от своего дара. Отдых, покой, пусть не свет, а только покой. Для Матильды это было уже немало. А что со счастьем? Поэт утверждал, что на свете счастья нет, есть лишь покой и воля. Скорей всего, он был прав. Хотя вот её подруга Александра по-настоящему счастлива. А она, Матильда? Она любит человека, который и не умнее её, и не сильнее. Матильда прекрасно понимает, что Святослав – тот, кого называют подкаблучником. Сначала он был под каблучком у маменьки, потом у сестры, теперь у неё, у своей жены. Ну и что? Подкаблучники тоже люди, им тоже нужно их своё маленькое “подкаблучное” счастье и покой. И у Святослава

они есть, Матильда это чувствовала, знала. Интуицию-то у неё никто не отнимал. Может такое быть, чтобы Святослав ей изменял в своём театре, на гастролях? Вполне. Но настоящие подкаблучники никогда не бывают Казановами и никуда не деваются от своего каблука, только если встретят более мощный и готовый взять под свою защиту. Но сильнее Матильды нет никого, и она сама это понимает и не боится никаких конкуренток. Ну, разве только вот эта синеглазка... Так что покой, покой и ещё раз покой. За который в ответе другой мужчина: Тимофей Кузнецов. Очень Матильда уважала мужа подруги, и ей казалось, что его проблемы она понимает лучше, чем жена. Как тогда в 1918-ом, когда он так расстроился из-за пропавшего пистолета, и никто не мог ему помочь. Никто, кроме Матильды, потому что пистолет украла она. И Тимофей об этом не знает до сих пор. Есть и были на свете сильные мужчины, достойные уважения и любви, это и комиссар французской полиции Франсуа Тьерри, и Алексис, и Николай. Но Матильде нужен рядом только её Святослав.

А Святослав и на Александру, и на Тимофея производил впечатление тёмной лошадки. Он очень мало с ними говорит, ничем не делится, ничего не рассказывает о своей работе, не приглашает в театр на представления и концерты. Как будто стесняется их. Потому что живёт в их квартире? Но ведь Тимофей столько раз говорил, что это самое настоящее подселение, официальное. К ним обязательно подселили бы

кого-то чужого, а ведь Матильда для Александры единственный родной человек, сохранившийся, если можно так выразиться, с самого её детства. Нет, Святослав не комплексовал из-за квартиры. Он просто не смог полюбить простой народ, смириться, что случилось так, что всё теперь принадлежит чужному ему, Святославу Светозарву, слою общества. Он уважал друзей жены, был им за всё благодарен, но чувствовал себя чужим. И дома, и в городе, и на работе в театре. К счастью, ему не надо было добираться до театра в общественном транспорте: Большой театр от Большой Никитской в двух шагах. Но и за эти несколько шагов его успевало передёрнуть не раз от советской Москвы. О том, что они с Матильдой вернулись в Москву, Святослав не жалел. В Европе и в Китае по его меркам было ещё хуже. Как говорится, оставите Землю, я сойду. Но сказать, что Святослав пребывал в депрессии, тоже нельзя. У него была женщина, которая его любила, и ещё появилась другая, которую очень полюбил он – доченька. Чужим женщинам он нравился. На него обращали внимание на улице, коллеги по сцене симпатизировали очень. Святослав не изменял Матильде, он боялся. Боялся её интуиции. Боялся, что она узнает и бросит его. Она для него была немножко ведьмой. И с этой ведьмой в постели он дрожал от страха и наслаждения, вряд ли Матильда это до конца понимала. Вокруг него было много очень красивых женщин, но они не умели околдовывать. Иногда ему хотелось отдохнуть в объятиях обычной женщины, и он даже па-

ру раз сделал это, но потом пожалел. Он не получил ни от-
дохновения, ни удовлетворения. К сожалению Святослава,
представления заканчивались поздно, и когда он приходил
домой, Василиса уже спала. А днём ему надо было идти на
репетицию, да ещё гастроли... Но, если случался выходной,
он весь посвящался дочери. Прогулки, парки, кукольный те-
атр, зоопарк... Гуляли вдвоем, чтобы им никто не мешал,
даже мама. Святослав чувствовал, что в его жизни появилась
ещё одна сильная женщина, которая его никогда не бросит.
Как бросила мать, скончавшись на чужбине, так что даже на
могилу не придешь. Как бросила сестра, променяв братскую
любовь на кокаин. И вдруг возник этот мальчишка! Свято-
слав был единственным в доме, кто не полюбил Толика. Но
ничего не поделаешь, дети должны общаться с детьми. Толь-
ко родителей им мало для счастливого детства, тем более со-
ветского.

Глава 3

Толик стоял у большого окна в зале и смотрел на занесенную снегом Большую Дмитровку. В Херсоне он никогда не видел столько снега и не знал, что бывает такой мороз. Но в квартире было очень тепло и уютно. Бывший доходный дом построен основательно, по всем новейшим техническим стандартам начала 20-го века. В нём сразу были электричество, водопровод и канализация, а вскоре появился и газ. Правда, красивый парадный вход с широкой лестницей сейчас за-

крыли, но Толик и таких лестниц, как в подъезде со двора, никогда не видел. Раньше в этом доме были шикарные квартиры более чем в пять комнат плюс комнаты для прислуги. Эти квартиры, в основном, находились на втором и третьем этаже и выходили окнами как на улицу, так и во двор. А на первом этаже располагался большой магазин меховых изделий. В своё время профессор Московского университета Боголюбов предпочёл квартиру поменьше, но чтобы она была на престижном третьем этаже и всеми окнами, кроме кухни, на улицу. На его счастье, такая квартира нашлась. Сейчас все огромные квартиры были превращены в коммуналки. И проживание двух семей в квартире Боголюбова получилось чуть ли не самым комфортным в доме.

Неделю назад страна встретила Новый год. Но главные подарки Толик и Василиса получили только вчера. Детям было сказано, это потому, что сегодня какое-то Рождество. Что за Рождество, никто не уточнил, даже тётя Матильда. Толик уже знал, что скоро пойдёт в школу. Было и интересно, и тревожно. Он помнил школу в детском доме в городке Голая Пристань. И школа, и детский дом, где жили сироты, и маленькая квартира, в которой Толик жил с мамой и с сестрёнкой, помещались в одном здании. А во дворе был их сарайчик с курами. В московской школе всё

будет по-другому. Хотя здесь тоже среди учителей будет его новая мама. Толика уже предупредили, что в школе нельзя называть маму мамой, а надо говорить Александра Петровна. А он и не собирался называть её мамой в школе, он и дома её так не называл. Никак не называл и старался обращаться к ней как можно реже. Другое дело тетя Матильда, с ней было легко и надёжно. Столько интересного от неё узнал мальчик за такое короткое время пребывания в новой семье! Толик уже хорошо умел читать, писать и считать. Ведь ему шёл десятый год, это он только внешне он был похож на семилетнего: маленький, худенький, тщедушный. А сейчас он ещё узнал много нового о других странах и временах. Тётя Матильда сказала, что будет его учить говорить, читать и писать на других языках, даже если этого не будут требовать в школе. Очень смешно было наблюдать, как на этих домашних занятиях вела себя Василиса, которая присутствовала на них в обязательном порядке. Прижав к себе какую-нибудь дежурную мягкую игрушку, она сидела тише воды ниже травы, не сводила глаз с говорящей матери и беззвучно, одними губами повторяла за ней каждое слово. – Ты же всё равно ничего не понимаешь, – думал Толик. Но он ошибался. Василиса впитывала информацию как губка, переваривала на свой лад и запоминала. Конечно, Толику нравилось жить в

новой семье. Он не помнил родного отца, можно сказать, совсем его не знал. И в мальчике росла уверенность, что Тимофей и был его родным отцом, что он тогда не умер, а потерялся в лихую годину, а теперь нашёлся. И мама отдала ему Толика, а сама осталась с сестрой Алечкой на Украине. Потому что Тимофей всех забрать не мог, у него уже теперь есть новая жена Александра Петровна. Толик не сердился на мать. Она отдала его отцу, потому что с ним её дорогому сыночку будет хорошо. А там, где остались они с Алей, очень и очень плохо...

1933 год стал первым годом Второй пятилетки. Голод не отступил. Москву, Ленинград и Киев окружили военные загранотряды, которые преграждали беженцам из голодных краев путь в столичные города. Но всё равно население Москвы увеличивалось. По улицам бродили взрослые нищие и дети-беспризорники. Отлавливали и тех, и других. Детей отправляли в детдома, некоторых взрослых выселяли из города, но большинство трудоустраивали. Чаще всего на строительные работы. Центр Москвы был изрыт вдоль и поперёк. Снесли все дома на Васильевском спуске, расширяли улицу Тверскую. Всё, что мешало этому расширению, было сметено, как могучим ураганом. Снесли Воскресенские ворота, ведущие на Красную площадь, дома на Манежной площади, церкви на Никольской. Стали крушить стену Китай-города, но двухсотлетнее строение не поддавалось. Тут

же вырастали новые строения и на Манежной, и в Театральном проезде, гигантские многоэтажки гостиницы” Москва” и Дома Труда. Смотреть на это всё было и жутко, и завораживающе. Матильда вспоминала, как в Париже ей рассказывал Франсуа Тьерри о реновациях Османа, который беспощадно перекроил Париж в 19 веке, как сносились памятники, целые жилые кварталы и даже дворцы. Да, можно согласиться с тем, что время требует радикальных перемен, но простить “временам” уничтожение Храма Христа Спасителя Матильда не могла. По плану на этом месте предполагался огромный Дворец Советов. Но стройка явно не задалась, а Матильда уже знала каким-то своим чутьём, что никакого дворца не будет. Более того, она видела своим третьим глазом, что храм вернётся. Он ей снился, только горельефы были из другого материала, не белокаменные как раньше, а бронзовые. А ещё для того, чтобы просеять москвичей, как сквозь сито, в городе началась выдача новых паспортов и прописка. ” Нежелательные” элементы беспощадно выселялись из Москвы. Паспортный стол Тверского района находился прямо во дворе их дома на Большой Дмитровке. Матильда боялась его, как огня. Она вспоминала свой поход в жилкомиссию 1918 года, и её брала оторопь. Да, в квартире нежелательным элементом была только она, нигде не работающая бывшая эмигрантка. Ребенок не в счёт, ему уже четыре года. Надежда на то, что всё уладит Тимофей, была небольшая. И действительно, Тимофей сказал, что надо устроиться на престижную

работу и предстать в паспортном столе в качестве желательного элемента, что вопрос с детским садом для Василисы он решит за несколько дней, а Толика в школе, где Александра завуч, давно ждут. Святослав тоже трепетал перед процедурой паспортизации и прописки, но ему удалось получить в администрации Большого театра отличную характеристику, из которой следовало, что Светозаров не только желательный элемент для советского искусства, но абсолютно необходимый в” то время как партия и правительство...” и далее, как обычно. Легко сказать, “найти престижную работу”. Где её искать? На стройке? Стоп! Стройка... Вся Москва из газет знала, что в городе проектируется и одновременно строится метро. Как известно, впервые метро появилось в Лондоне, и быть не может, чтобы московские проектировщики не использовали опыт англичан и не нуждались в переводчике. И выяснить обстановку в этом важном деле Тимофей сможет вполне. Так и получилось.

Через неделю Анатолий Тимофеевич Кузнецов вошел в третий класс ”А” общеобразовательной школы, удобно расположившейся на углу Большой Дмитровки и Страстного бульвара. Светозарова Василиса Святославовна появилась на пороге младшей группы детского сада на Неглинной. А Матильда Казимировна Грушецкая (она не сменила фамилию в связи с замужеством) склонила голову над документами из библиотеки проектного бюро по строительству метро, неизвестно каким чудом попавшими в Москву из Лондона

в виде оригинала на английском языке. И вскоре весь дружный коллектив, проживающей в одной квартире, получил паспорта нового образца с постоянной пропиской. Все были признаны желательными элементами для строительства социализма в одном отдельно взятом городе Москва.

Сказать, что Василисе сразу понравилось в детском саду, значит ничего не сказать. Никаких переживаний от расставания с домом не было и в помине. Наоборот, когда за ней приходили, она могла заявить, что домой пока не пойдёт, ещё поиграет. На музыкальных занятиях она была лучшей, по лепке, по рисованию тоже. На прогулке по городу все мальчики группы хотели идти в паре за ручку только с ней. На утренниках все главные роли в музыкальных номерах были её. А после того, как с Василисой позанимался проходящий в детский сад логопед, все главные роли в постановках и самые длинные стихи для тех же утренников тоже стали её. И уже было ясно, что звёздной болезни девочке не избежать. Но родителей это совсем не волновало, они гордились дочерью. Ворчала только правильная тётя Саша, полагая что вот это вот всё очень непедагогично.

Толик к своим школьным успехам относился иначе. Хотя у него они проявились, пожалуй, даже в большей степени. Примерно недели через две педсовет школы решил, что мальчика нужно досрочно перевести в следующий класс, так как его уровень был значительно выше третьеклассника. Толик ещё не успел привыкнуть к московской школе, к зданию

с широкой лестницей, к барельефам, к картинам на стенах, к длинным коридорам с высоченными потолками, к шумной беготне толп учеников на переменах, как вдруг оказался в классе с детьми старше его, выше ростом, физически сильнее. Больше тридцати человек, и почти все настроены настроенно и недоброжелательно: как так перевели из третьего класса, почему учитель посадил на первую парту, смотрит ему в тетрадь и постоянно хвалит, за то, что опять решил примеры быстрее всех? Ещё и учительница по немецкому заходила, хотя немецкого пока нет в четвертом, попросила Толика прочитать какой-то текст и долго восхищалась. По всем предметам полетели к новенькому в дневник пятёрки, как пчёлы на клевер, и это было невыносимо. И Толик чувствовал, что пришелся не ко двору, и очень переживал. И не зря. В тот день была контрольная по арифметике. Ещё на перемене к Толику подошёл самый ярый враг, высоченный Стёпка с длинными ручищами и огромными кулаками, и потребовал в категоричной форме, чтобы Толик дал ему списать контрольную. Но это было невозможно. Толик сидел на первой парте в среднем ряду прямо перед учительским столом. Весь урок его тыкали в спину ручкой, но он не оборачивался, решил все задания, как обычно, раньше всех, сдал тетрадь и вышел в коридор. Что делать? Уйти домой прямо сейчас? Но ещё есть следующий урок чтения. Пойти в кабинет к Александре Петровне? И что ей сказать? Между тем прозвенел звонок на перемену, распахнулись двери

класса, и оттуда вывалилась толпа. Стёпка вразвалочку подошёл вплотную и молча поднёс к самому носу огромный кулак. Чтение прошло спокойно, но Толик ухитрился-таки и тут получить пятерку за стихотворение Некрасова.

Александра обычно задерживалась в школе после уроков, и Толик всегда шёл домой один. А сегодня ей что-то не сиделось. Она собралась и вышла из школы сразу после звонка с четвертого урока. Поодаль от центрального входа Александра увидела мальчишек, которые сгруппировались каким-то странным, на её взгляд, образом. Александра прибавила шаг, а через несколько секунд уже бежала. Били Толика. Он лежал на снегу, зажав варежкой нос, из носа текла кровь. Александра с разбегу схватила за шиворот Степана и швырнула его в сугроб с такой силой, что он шмякнулся оземь всей физиономией. Остальные три-четыре “героя”, Александра даже не смогла от волнения их сосчитать, на мгновение замерли и бросились врассыпную. А снизу послышалось удивленное: – Александра Петровна... – Степан с заляпанным снегом лицом даже не поднялся, а медленно отползал в сторону. В голове у Александры лихорадочно метались мысли: – Что теперь будет? Ударила ребёнка! Прибегут родители, поднимут шум. Педсовет? Увольнение? Надо его поднять? Отряхнуть? Извиниться? Но тогда этот маленький засранец превратится в победителя. А как же справедливость? Нет, лучшая защита- это нападение. -

Александра снова схватила мальчишку за шиворот,

встряхнула так, что с него обсыпался снег и, не отпуская, самым грозным своим командным голосом произнесла:

– Как ты посмел организовать избиение одного человека группой? Ты не знаешь, что это преступление? Ты враг народа? Бандит? Контрреволюционер? И за что вы напали на Анатолия? Потому что он учится лучше вас? А ты не знаешь, что товарищ Ленин говорил, что дети должны учиться, учиться и ещё раз учиться? Я завтра же поставлю вопрос на педсовете о твоём переводе в третий класс, это в лучшем случае, а в худшем совсем отчислят из школы. -

И тут Степан заревел в голос, который у него уже начинал ломаться:

– Не надо, Александра Петровна, не надо, я больше не буду! -

Ответ парень получил серьёзный:

– Хорошо, но теперь каждый день Толик после уроков будет с тобой заниматься математикой в моём кабинете. И если ты не будешь его слушаться, и у тебя не будет никаких успехов, пойдёшь снова в третий класс. А о приёме весной в пионеры можешь даже не мечтать. Пионеры помогают слабым, а не бьют их. Толя чуть не умер от голода, который устроили враги советской власти, получается, что и ты враг. -

Мальчишка продолжал реветь, утирая лицо варежками:

– Нет, Александра Петровна, я не враг, я больше не буду! -

Александра отпустила ворот его тулупчика и скомандовала: – Домой. – Дойдя до ворот медленным шагом, Стёпка

бросился бежать и скрылся за поворотом.

Всю эту сцену Толик наблюдал, сидя на снегу. Александра, ничуть не беспокоясь, видит это кто-то или нет, села рядом с ним в сугроб, достала из кармана носовой платок и стала обтирать лицо мальчика. И тут он разрыдался. Ребёнок плакал и причитал, что он хочет домой на Украину, к маме, что очень соскучился по сестричке Алечке и по хорошим друзьям из своего класса, с которыми он летом пойдёт купаться в Днепре. Александра молчала. Она хотела дать мальчику выплакаться и боялась разреветься сама. Когда Толик немножко успокоился и притих, Александра сказала:

– Но здесь у тебя есть папа, летом вы с ним пойдёте купаться на Москва реку, а мама будет смотреть на тебя с неба и радоваться за тебя. -

– С неба? Но мама в земле. -

– Только телесная плоть в земле, а душа, которая всё видит, на небе. -

– Рядом с богом? Но бога же нет. -

– Может и нет, а душа есть. Пойдем домой.

Глава 4

С той поры в жизни Толика произошёл самый настоящий перелом в лучшую сторону. Александра рассказала об инциденте в школе только Матильде и получила от подруги полное одобрение, а Тимофея решила не расстраивать. Лишь только сказала, что мальчику обязательно надо где-то и кроме школы общаться со сверстниками и утверждаться. В

те годы бурное развитие получило внешкольное воспитание детей. Повсеместно открывались различные кружки, художественные студии и спортивные секции. Тимофей выбрал для сына внешкольный детский клуб на Трёхгорке. Знаменитая Трёхгорная мануфактура была образована бывшим монастырским крепостным Василием Прохоровым ещё в конце 18-го века. В 1764 году у монастырей были отобраны вотчины, и их крестьяне получили вольные. Сначала Василий Прохоров занялся в Москве пивоварением, и весьма успешно. Но с годами он всё больше ощущал противоречие между своей глубокой религиозностью и характером промысла. Жизнь свела его с редким знатоком красковарения и ситценабивного дела, и друзья открыли небольшую ситценабивную фабрику, которую не сгубили ни война 1812 года, ни пожары. Она перешла к детям Василия Прохорова. Сыновья развивали и расширяли дело отца. Была открыта ремесленная школа для малолетних работников, первая не только в Москве, но и во всей России, потом школа для народа, библиотеки, читальни, больница и, наконец, фабричный театр. К концу 19-го столетия при мануфактуре уже функционировали больница, амбулатория, богадельня, родильный приют. Прохоровская мануфактура участвовала в международных выставках в Париже, в Чикаго, в Антверпене и привозила оттуда золотые медали. Но парадоксальным фактом стало то, что в дни восстания 1905 года именно цеха и дома рабочих Трёхгорки превратились в основную базу боевых дру-

жин! А ведь Прохоровы всегда заботились о благополучии своих рабочих больше, чем о прибыли. Николай Прохоров в 1900 году получил на Парижской выставке орден Почетного Легиона – “За заботу о быте рабочих и по санитарному делу”. Как говорится, чудны дела твои, Господи, и не всегда справедливы на наш грешный взгляд. В 1918 году фабрика была национализирована и после Гражданской войны продолжила свою работу. А тот из Прохоровых, который был хозяином фабрики перед революцией, остался работать директором на родном предприятии. Производство расширялось, число рабочих росло. В конце 20-х годов мануфактура получила земельный участок для строительства домов для рабочих. Посёлок вырос, как на дрожжах. И также на Трёхгорке появился один из первых детских клубов внешкольного воспитания под надзором отдела ОГПУ по детским домам и беспризорникам, то есть под непосредственным присмотром именно самого Тимофея Кузнецова. А в один из выходных дней он отправился туда с двумя детьми совсем с другой целью.

Клуб впечатлял, здесь было всё, что детской душе угодно, да и родительской тоже. Долго бродили и внимательно рассматривали кружки, лектории, театральные и спортивные залы. Толик шёл молча и чинно, Василиса верещала без умолку, вертелась под ногами, то забежала вперед, то вдруг кидалась в сторону, и приходилось либо Тимофею, либо Толику ловить её и возвращать” в строй”. Родители Василисы, Матильда и Святослав, в Трёхгорку на Красную Пресню не

поехали. У них вдруг разом случилась февральская ипохондрия, и они захотели побыть вдвоём. Александра тоже была рада остаться дома и почитать в тишине журналы по педагогике. После тягостных раздумий Толик выбрал для себя шахматы и бокс. А на Василису все руководители кружков и секций смотрели с большим недоверием. И она это почувствовала и приготовилась устроить небольшую истерику к великому ужасу Тимофея, который уже пожалел, что взял малявку с собой. Вышли во двор клуба подышать зимним воздухом и успокоиться. Невдалеке от заднего входа в здание располагался небольшой огороженный каток. По нему скользили на блестящих конёчках совсем маленькие дети, за которыми следил тренер тоже на коньках. Троица подошла поближе, поздоровались, разговорились. Тренер с улыбкой посмотрел на маленькую принцессу и сказал: – Если что, мы в секцию принимаем с 4х лет. – Василиса засияла так, будто ей уже вручали золотую медаль. Домой она влетела с криком: – Коньки, коньки, купить коньки! – Её родители, отчего-то ословевшие и с какими-то странными томными взглядами, далеко не сразу поняли, о чем вообще речь. Но через два дня пара новеньких коньков уже висела на гвоздике в прихожей.

Незаметно для себя Толик полюбил школу так, что готов был бежать туда и по воскресениям. И это было вполне возможно, ведь по воскресениям в школе тоже работали кружки. Но не разорваться же, и Толик прекрасно понимал, что и

шахматный кружок, и секция бокса в Трёхгорке гораздо круче школьных. Как и повелела Александра Петровна, занятия по математике со Степаном Толя проводил ежедневно после уроков в кабинете завуча. Александра Петровна не вмешивалась и даже не смотрела на ребят, сидела за своим столом, уткнувшись в бумаги, и только слушала. Она, слушая своего приёмного сына, не часто получала такое удовольствие даже на любимых уроках со старшеклассниками. Голос Толика звучал спокойно и уверенно:

– Степан, пойми главное, ничего нет важнее устного счёта. Не надо считать на пальцах или на палочках. Только устно. Как будто ты играешь в числа. А задачу надо читать до конца и понять, что следует найти. А не начинать её решать, прочитав только первое предложение. Например, написано: на столе лежало десять яблок... Не надо сразу после этой фразы растопыривать десять пальцев и начинать думать, что с ними делать. А также надо всегда анализировать ответ. Если было десять яблок, как в нашем примере, и другие ниоткуда не взялись, двадцать в ответе получиться не может. -

И самое интересное, что Степан понимал и внимал! Домашняя работа теперь у него была всегда сделана, а на контрольной Александра просила учительницу младших классов отсаживать Степана отдельно одного на первую парту, и, по возможности, не спускать с него глаз. После первой же контрольной Степан аж взмок и на перемене признался Толе, что легче яму выкопать, чем эту контрольную самому ре-

шать. Конечно, он не успел решить всё, конечно, получил тройку, но свою! И дела пошли в гору. К концу третьей четверти стало понятно: дополнительные занятия по математике уже не нужны, но почин шефской помощи от отличников отстающим подхватила вся школа. А Степан был передан от Толика в руки некой Марии для занятий по русскому языку. Мария была умница, красавица и общественница с твердым характером и негибаемой волей. Степан боялся Марию панически, и была опасность, что с ней он забудет то, что знал, алфавит, например. Но всё обошлось. Класс подходил к концу учебного года уверенно и 22 апреля, в день рождения вождя мирового пролетариата, был принят в пионеры в полном составе. Дети заканчивали обязательное начальное образование, их ждали весенние экзамены, которые при необходимости можно будет пересдать осенью и больше в школе не учиться. Но эту школу, в которой учился Толик, вряд ли кто-то из его одноклассников покинет после четвертого класса, да и экзаменов боялись не многие. Сам же он был уже мыслями в летнем пионерском лагере, куда его родители планировали отправить на три смены, чтобы учился самостоятельности.

Глава 5

Первые проекты метро появились ещё во времена Российской империи. Инженер Василий Титов предложил свой проект в 1875 году, но церковь была категорически против того, чтобы люди спускались в "преисподнюю", и правитель-

ство посчитало, что нет никакой экономической целесообразности для Москвы в таком масштабном проекте. Российские инженеры, глядя на европейские столицы, не оставляли идею создать подземную транспортную сеть. В 1897 году появился новый проект, но он тоже не был утвержден и остался в виде эскиза. В 1902 году Дума дала согласие на строительство окружной городской железной дороги, а проект подземки в очередной раз категорически отвергла, говорили, что под давлением трамвайного лобби. Были проекты и в 1911, и в 1912 годах. Но всерьёз о метро задумалась только советская власть, хотя решение вопроса и ей далось не сразу. В 1923 году возвратились к этой идее, подготовили черновой вариант проекта и даже начали вести переговоры с иностранными фирмами. Но бесплатно никто не хотел помогать, а денег не было. Siemens предложила свои услуги за концессии московского трамвая, но советская сторона отказала, и проект остался на бумаге. Но через несколько лет подотдел по проектированию метро при управлении "Московские городские железные дороги" создали. Специалистов в этой сфере не было совсем. Был один человек, профессор Розанов, который до революции то ли работал на строительстве метро в Париже, то ли видел, как его строили. В общем, работа по проектированию подземных дорог в Москве шла ни шатко, ни валко. А в 1930 году в МГДЖ начались чистки. Работников подотдела обвинили в саботаже, в растрате государственных средств и посадили почти весь небольшой

коллектив, включая Розанова. Но к началу 1931 года стало ясно, что трамвай не может обеспечить перевозку 4 миллионов москвичей.

В марте 1931 года прошло расширенное заседание московского комитета партии по транспортному делу, на котором было решено разработать концепцию транспортной сети города: новые линии трамваев, автобусов, городской железной дороги или метро. Возникла идея расположить промышленность и жилые кварталы на юго-востоке столицы и центр города превратить в музей, метро не строить, а построить наземную железную дорогу с окраины в центр. В мае 1931 года Сталин зарубил эту идею на корню и постановил строить метро. Но даже после этого споры продолжались ещё некоторое время. В июне пленум ЦК постановил составить проект, а в 1932 начать работы. Было создано новое проектное бюро – Метрострой. Розанова и соратников освободили из заключения, и люди приступили к работе, по-прежнему без необходимой технической документации, без знаний и без опыта. Черпали информацию, откуда могли, в основном, из зарубежных журналов, и постоянно спорили между собой. Матильда влилась в дружный коллектив как нельзя кстати.

Метрострой располагался по адресу Тверская 5 в гостинице “Лоскутная”. Дорога на работу была для Матильды очень приятной. При желании можно было добежать до места за 15 минут, но Матильда выходила пораньше, чтобы спокойно пройти по любимому Камергерскому переулку. То, что

учреждение располагалось в гостинице, создавало на работе домашнюю обстановку. Коллеги тоже производили на Матильду приятное впечатление, это были инженеры-железнодорожники, в основном, с дореволюционным образованием. Конечно, ни о каком свободном владении иностранными языками речь там не шла, но кое-какие навыки чтения технической литературы у инженеров были. В штате был и переводчик с немецкого, молодой выпускник иняза уже советских времен по имени Володя. Возможно, с текстами по гуманитарным дисциплинам он бы справлялся неплохо, но техническая специфика документов его явно напрягала, и приходилось делать переводы в тандеме с каким-нибудь инженером, редактирующим корявый Володин перевод. Конечно, Матильда не разбиралась в технике, но свободное владение несколькими европейскими языками позволяло ей читать техническую документацию на чужом языке, как на родном. И, к огромной радости коллектива, сразу стало понятно, что редактор ей не нужен. Но работа проектировщиков шла очень тяжело. Споры не утихали, вариантов строительства подземки, судя по международному опыту, было несколько: берлинский открытым способом, парижский – на небольшой глубине, нью-йоркский – на большой... Главным ответственным за проект был Лазарь Каганович, первый секретарь Московского комитета ВКП (б). В Метрострое он появлялся часто, но с Матильдой никогда не вступал в контакт, а другие приходящие вступали. Расспрашивали, устраи-

ивает ли её работа, есть ли у неё мнение по поводу каких-нибудь улучшений и тому подобное. Матильда понимала, что эти люди – коллеги Тимофея, но не напрягалась особенно. На контакт шла, производственные вопросы обсуждала, жаловалась, что документации поступает очень мало, что она работой не перегружена, а инженерам трудно. ” Товарищи” всегда слушали очень внимательно, и иногда Матильде казалось, что в их взглядах мелькают улыбки в самой глубине глаз, без участия губ. Особенно этим отличался самый пожилой из них, он приходил и беседовал с Матильдой чаще других, а представился как Сергей Николаевич. Матильда смотрела на него и думала: – Ему лет 50, значит, он стал совсем взрослым ещё до революции, кем он был? Пролетарское происхождение по нему не считывалось. Как пришёл в органы? Может быть, он тоже из имперской полиции? А, может, и отца моего знал? – Но, разумеется, не спрашивать о чём-то подобном у Матильды ума хватало. А тем временем стройка началась до окончания проектных работ. Рыли землю прямо в непосредственной близости от Метростроя, на Охотном ряду. Каганович принял решение часть шахт делать методом глубинного заложения, часть – открытым способом. И прошел слух, что причиной выбора глубинного заложения была вероятность использования станций метро, как бомбоубежищ в случае войны. После того, как этот слух дошёл до ушей Матильды, ей снились кошмары несколько ночей.

В тот день Сергей Николаевич сходу пригласил Матильду

в кабинет Розанова, в котором он всегда общался с проектировщиками наедине, а Розанов безропотно свой кабинет покидал. Сергей Николаевич сделал более длинную паузу, чем обычно, глядя в глаза Матильде, и заговорил:

– Вы были правы, Матильда Казимировна, когда говорили, что инженерам очень трудно, поэтому партия решила отправить небольшую группу в командировку за границу. Точный маршрут пока неизвестен, но думаю, что это будет командировка и в Англию, и во Францию, и в Германию. Поедет и переводчик. Вы хотели бы поехать в этом качестве? -

Матильда, к счастью, не видела, как изменилось до неузнаваемости её лицо. – Поехать в командировку в Англию, Францию, Германию?!?! Вот так прямо сейчас из СССР?! – У Матильды пропал дар речи. А Сергей Николаевич продолжал:

– Вижу, что очень хотите, но именно поэтому поедет Володя.

– Как Володя? Володе быть переводчиком только в клубе литераторов, а не на научно-технических конференциях! К тому же он переводчик только с немецкого. -

Матильда поняла, что потеряла самообладание, сказала лишнего и осеклась. Но было поздно:

– Вы, Матильда Казимировна, хотите донести на вашего коллегу? Заявить о его профнепригодности? -

Боже! Что происходит? Он меня проверяет? Подставляет? – мысли метались в голове у Матильды, как говорится,

давя друг друга. Сергей Николаевич продолжал:

– Матильда, вы не сможете поехать, вы молодая красивая женщина, у вас муж и маленький ребёнок, вас не пропустит никакая комиссия, посчитает, что вы с большой вероятностью не вернётесь. -

Матильда не стала отвечать, только подумала:

– Куда бы я делась-то? Не такая уж молодая и не такая уж красивая... – Сергей Николаевич сделал паузу и продолжил:

– Для вас будет другая работа. В Москву приезжают специалисты из США. Надолго. У них там Великая депрессия, поработают у нас. Вы будете переводчиком для них. Предупреждаю, никаких контактов вне этого учреждения или строительных площадок. Даже если мои коллеги скажут вам иное: контактировать с иностранцами почаще и передавать о них сведения. Скажите им: ваш руководитель запретил мне подобную деятельность. Поняли? Согласны? -

– Да – кратко ответила Матильда. Но разговор на этом не закончился. Сергей Николаевич продолжал:

– Матильда, метро скоро допроектируют, вы в Метрострое станете не нужны. Почему бы вам не пойти работать в органы? Вы из семьи полицейского, занимались частным сыском вполне успешно.

Матильда смотрела в упор на чекиста и думала: – А интересно то, что я работала шпионкой в американском консульстве для Белого правительства Сибири, ты тоже знаешь? Хорошо, что Джона тогда убили. Вот бы сейчас нарисовался с

группой специалистов США... Что же тебе ответить такому знающему? – И произнесла:

– Я подумаю о вашем предложении. Потом. -

Ответом было:

– На сегодня всё. Запомните на будущее: никогда нигде не показывайте вида, что хотели бы поехать за границу и благодарите бога, что этот разговор с вами провел я. -

Матильда встала и пошла на выход, но не удержалась и уже перед дверью бросила:

– Бога нет.

Весь вечер дома она была сама не своя. Дождалась с работы Тимофея и, уединившись с ним на кухне, всё рассказала. Тимофей обещал о Сергее Николаевиче разузнать. В выходной он выбрал момент и рассказал Матильде, что на этом чекисте клейма ставить некуда, да, он бывший полицейский и сейчас сам находится под двойным контролем и потому что из бывших, и потому что курирует дело государственной важности. И Матильда сразу успокоилась.

А работа метростроителей набирала обороты. Специалисты из США приехали и во многом помогли. Вернулись из заграникомандировки наши. Правда без происшествия не обошлось: в Берлине сбежал Володя. На Сергее Николаевиче около трёх недель лица не было, и Матильду он к себе больше не вызывал. Из-за границы привезли много технической документации, Матильда подозревала, что половина её была ворованной. Работы значительно прибавилось. Матильда пе-

реводила документы и старалась держать в тонусе приехавших американцев, чтобы они не расслаблялись, не халтурили и постоянно были заняты делом. А главная деятельность сместилась из проектного бюро на стройки и в заводские цеха. Для прокладки станций нужны были огромные бурильные машины, их не было в СССР. А покупать у англичан очень дорого. Купили одну и разобрали до винтика, а потом завод "Серп и Молот" сделал не просто такую же, а усовершенствовал. Поступить точно так же с эскалаторами не получилось: и немцы, и бриты заломили такую цену, что пришлось делать всё самим. И сделали на ленинградском заводе "Красный металлист" и на московском "Красный подъемник". А вот один вагон подвижного состава удалось купить у Siemens, и тоже до последнего винтика разобрали и сделали свои. Матильда наблюдала всё это с чувством, близким к благоговейному ужасу... Работали ведь вчерашние крестьяне! К осени 1933 года на строительство метро мобилизовали 10000 комсомольцев с московских предприятий. 1000 коммунистов организовались в ядро строительного коллектива. Сталин, Каганович и Хрущев знали каждый метр производимых на участке работ. Первую очередь метро сдали 15 мая 1935 года. А ещё до того, 22 апреля, в день рождения Ленина, на метро прокатились Сталин, Молотов, Каганович, Орджоникидзе. Потом начались экскурсии и торжественное открытие для всех пассажиров. Люди стояли у входов в очереди, чтобы посмотреть и прокатиться. А смотреть

было на что. Матильда наблюдала это всё в процессе, но, когда спустилась по эскалатору вниз вместе со своими семьями, обомлела, как и все” простые смертные”. Поражала роскошь какого-то особенного стиля: классицизм советской эпохи с народным величием, который как бы прославлял победу социализма. Эта фундаментальная классика была тогда во всём: в архитектуре, в живописи, в театре и даже в музыке. Конструктивизм 20-х исчез. Позже такой стиль в архитектуре получил название Сталинский ампи́р. Матильда понимала, что московское метро, в создании которого есть и часть её труда, теперь навеки станет визитной карточкой её родного, любимого города.

Глава 6

Иногда 1936-й вспоминают как лучший год страны советов. В памяти людей укоренилось мнение, что, если бы не угроза войны, не подготовка к ней, страна бы расцветала и превратилась в величайшую мировую державу. Но, как известно, у истории нет сослагательного наклонения. Матильда по-прежнему работала в Метрострое. Хотя, в основном, работы по проектированию подземки закончились, американские специалисты не уехали, несколько человек создали семьи и решили остаться навсегда. Матильда работала с ними переводчицей и на стройках, и в офисе. А в городе происходили самые настоящие чудеса. Передвигали многоэтажки по улицам, как сыр по маслу. Не отселяя жильцов, и зачастую даже не предупреждая их. В газете был описан

случай, как ребёнок перед сном построил из кубиков башню, а утром нашёл её на месте, хотя дом переехал примерно на 30 метров вглубь двора. Бывший губернаторский дом на Тверской, а теперь здание Моссовета, перевезли во время рабочего дня, все служащие оставались на местах. Руководил этим волшебством инженер Метростроя Эммануил Гендель, на которого Матильда смотрела, как на божество. Расширяли улицы вроде как для движения автотранспорта, хотя его почти не было. Можно было оставить машину посреди проезжей части и уйти, и она бы никому не помешала. Работы велись ради будущего. И ради этого самого будущего воспитывали детей. И именно государственная работа с детьми восхищала Матильду больше всего, Александру она восхищала с первых революционных лет, а теперь её оценила и Матильда. Толик каждое лето проводил по три смены в одном и том же пионерском лагере в Подмосковье на берегу реки. Сначала и Александра, и Матильда жалели оправлять мальчика из дома так надолго, но Тимофей настоял. Он говорил, что не сможет уделить сыну столько необходимого внимания. Ну, съездят несколько раз на рыбалку, сходят на футбол, а остальное время он будет болтаться по пыльным улицам неизвестно с кем. И правда, Толик вырос, мужал, креп и умнел год от года. В лагере он уже стал бессменным председателем совета отряда, художником в редколлегии отрядной стенгазеты, капитаном волейбольной команды, победителем шахматных турниров и кем-то там ещё, за чем ро-

дители уже не успевали уследить. Он очень вырос и по росту попадал в тройку самых высоких мальчиков в классе. Летом кружки во внешкольных клубах не работали, а в учебный период Толя продолжал ездить на Трёхгорку. Пошла в школу и Василиса. Но, к сожалению родителей, там у девочки сложилось не всё гладко, по крайней мере, в начале. Сборы были самые восторженные! Примерно за месяц до 1-го сентября Василиса потребовала, чтобы к ней обращались не иначе, как Первоклассница. Но с началом учебных занятий пришло разочарование. Василиса не ожидала, что надо будет писать палочки и крючки, учить по одной букве в день, считать тоже только палочки, а главное: нельзя никуда уходить, даже если всё написала, и продолжать сидеть тихо! Дома Василиса устраивала самые настоящие истерики: кричала, что в школе у неё болят ноги! Никто из взрослых не понимал: как ноги могут болеть, если человек сидит, и ноги в этот момент отдыхают. А физкультура, наоборот, была у Василисы любимым уроком, но она сетовала, что уроки эти бывают редко и так быстро заканчиваются. Секцию фигурного катания Василиса бросила. Она очень быстро научилась кататься, а для тренировки сложных элементов у неё не хватало ни терпения, ни желания. Единственное место, где она сидела, замерев, и не жаловалось на боль в ногах, это был кинотеатр. Кино было паталогически популярно в Москве в то время. Но если кто-то выбирал для себя определенные жанры, то Василиса зачарованно смотрела всё подряд. Она не сводила

глаз с экрана, шёл ли там фильм” Корабли штурмуют бастионы”, ” Броненосец Потёмкин”, ” Флаги на башнях” или что-то другое, совсем неподходящее для её возраста и пола. Конечно, она ещё не могла ходить в кинотеатры одна, но всегда требовала купить ей билет с отдельным местом, а когда выяснялось, что снизу видно плохо, забиралась на колени к кому-то из родителей или даже к Толику. В этом отношении была хороша зима. Для Василисы сооружалось высокое мягкое сидение из родительских пальто.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.